

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава 1. О некоторых элементах теории войны и мира.....	11
Глава 2. Методологические вопросы изучения войн как политического и социального феномена.....	23
Глава 3. Вопросы развития военной техносферы и трансформация проблемы войны и военного искусства	36
Глава 4. Заметки о «гибридной» войне	97
Глава 5. Война как продолжение политики	109
Глава 6. Война как состояние общества и состояние определенного сегмента системы мировой политики.....	145
Глава 7. Война как столкновение двух или более государственных структур и военных машин (или негосударственных структур, сил)	159
Глава 8. Война как сфера неопределенного, недостоверного.....	183
Глава 9. Война как задача управления (руководства).....	194

ВВЕДЕНИЕ

Характер, содержание войн, формы ведения боевых действий, используемые технические средства за тысячелетия существования человеческой цивилизации изменились в огромных масштабах. Описание войны в различных исторических и теоретических исследованиях приобретает все более сложный, многомерный характер, но во многом остается фрагментированным.

В целом можно констатировать, что в современных общественных науках вопрос о природе войны, ее разнообразных измерениях остается малоизученным. Соответственно, явно недостаточно разработаны многие вопросы, связанные с предотвращением войны в мировой политике. Среди прочего следует иметь в виду, что в изучении проблем войны и мира доминируют чрезмерно рационалистические представления о войне.

С высокой степенью достоверности можно предположить, что недостаточная разработанность такого рода проблем связана с весьма значительными трудозатратами при проведении соответствующих исследований. Это относится и к их предварительной стадии, требующей скрупулезной работы по подбору и оценке необходимых политических, социологических данных, часто базового характера. Еще большие сложности возникают при рассмотрении политико-психологических параметров войны.

Об огромной трудозатратности социологического исследования войны свидетельствует, в частности, соответствующий раздел работы П.А. Сорокина «Социальная и культурная динамика» (Часть шестая. «Флуктуация войн в системе групповых отношений»)¹.

¹ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины этики,

С теоретическими вопросами войны связан и вопрос о методах и способах предотвращения войны, об обеспечении мира.

Анализ многих исследований в этой области позволяет говорить, что, несмотря на усилия многих весьма серьезных авторов в прошлом и настоящем, цельной современной теории войны, применимой в том числе и с прикладной точки зрения, нет.

Понятие «война» употребляется во многих сферах человеческой деятельности, но к этому необходимо относиться достаточно осмотрительно, не пренебрегая кавычками — говоря, например, о «торговых войнах», «информационных войнах», «кибервойнах», «войнах валют», «когнитивных войнах» и т.п. Широкое распространение получило понятие «холодная война», которую следует рассматривать прежде всего как определенное состояние системы мировой политики².

М.А. Борчев в своей статье в «Военной мысли» писал, что «война может быть “невооруженным насилием”, не обязательно включающим вооруженное насилие»³.

По мнению В.П. Гулина, подобное изменение содержания войны является результатом ее эволюции в XX в. Он считал, что на смену войнам с большими людскими потерями идут «бескровные», «неболевые», «цивилизованные» войны, в которых цели достигаются не посредством прямого вооруженного вмешательства, а путем применения иных форм насилия (экономических, дипломатических, информационных, психологических

права и общественных отношений / пер. с англ. СПб.: Изд-во Российского христианского гуманитарного ин-та, 2000. С. 619–620.

² См.: *Сетов Р.А.* Современный мировой порядок и государственные интересы России. Термины, теории, прогнозы. М.: Три квадрата, 2010. С. 47–49.

³ *Борчев М.А.* О методологии развития и формирования военной науки // *Военная мысль.* 1997. № 4. С. 63–72.

и др.), как это было в «холодной войне» — без сражений массовых армий. Гулин отмечал, что войну отличает не форма насилия, а основные ее сущностные признаки: бескомпромиссная борьба с применением средств насилия в течение определенного времени; победа одной из сторон и поражение другой, существенное изменение соотношения сил и в итоге их иная расстановка⁴.

В связи с этим В.В. Серебрянников обоснованно писал: «Исчезает определенность, грань между истинным и ложным в понимании войны. Понятие войны приобретает бесчисленное множество смысловых значений. Исчезают границы той объективной реальности, которую понятие “война” призвано отражать. Это не может не вносить путаницу в общественно-политические отношения, программы и заявления, действия людей и социальных институтов, не говоря о ведомственных»⁵.

В труде группы советских военных теоретиков в свое время отмечалось: «Война не сводится только к вооруженной борьбе, хотя без нее и нет войны. Вооруженная борьба составляет главный специфический признак войны»⁶. Это положение следует признать справедливым и в современных условиях. Действительно, острый конфликт без применения специфических средств вооруженной борьбы не следует считать войной.

В фундаментальной «Новой философской энциклопедии», подготовленной под руководством одного из крупнейших отечественных ученых академика РАН В.С. Степина, в частности, говорится, что война — это «(1) состояние вражды, борьбы с кем-либо <...> (2) ор-

⁴ Гулин В.П. О новой концепции войны // Военная мысль. 1997. № 2. С. 14.

⁵ Серебрянников В.В. Социология войны. М.: Научный мир, 1997. С. 35.

⁶ Марксизм-ленинизм о войне и армии / под ред. Н.Я. Сушко, С.А. Тюшкевича. Изд. 4-е. М.: Воениздат, 1965. С. 16.

ганизованная вооруженная борьба между государствами, нациями, социальными группами, осуществляемая специальным институтом (армией) с привлечением экономических, политических, идеологических, дипломатических средств»⁷. Главной характерной чертой войны, по этому определению, является именно вооруженная борьба, причем осуществляемая особым институтом — вооруженными силами.

В ходе семинара в Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил РФ 6 декабря 2017 г. было сформулировано определение войны, «не вызвавшее возражений». Его огласил кандидат педагогических наук полковник А.Н. Бельский: «Война — социально-политическое явление, представляющее собой одну из форм разрешения противоречий между государствами, народами, нациями и социальными группами средствами военного насилия для достижения политических целей»⁸. Один из лидеров отечественной военной науки генерал армии М.А. Гареев обоснованно пишет о том, что «современные войны еще более тесно переплетаются с невоенными средствами и формами противоборства. Они оказывают свое влияние и на способы ведения вооруженной борьбы»⁹.

Война является сферой применения вооруженных сил, создаваемых и развиваемых специально для ведения разного рода войн, несмотря на рост значимости экономических, социальных, информационных и прочих аспектов войны.

⁷ Новая философская энциклопедия. Т. 1: А–Д. М.: Мысль, 2000. С. 425.

⁸ См.: *Сухих К.* Точка в войне // Военно-промышленный курьер. 2017. № 47 (711).

⁹ *Гареев М.А.* О выработке у офицеров качеств и навыков, необходимых для проявления высокого уровня военного искусства // Военная мысль. 2017. № 12. С. 76.

Среди видов отношений между государствами (и негосударственными субъектами мировой политики) значительное место занимает принуждение. Принуждение может осуществляться в более явной и в неявной форме. Военное насилие — это самая радикальная форма принуждения.

Как справедливо пишет профессор Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил СССР И.С. Даниленко, «война — сложнейшее общественное явление». Он добавляет, что над раскрытием глубоких тайн природы этого явления «бьются лучшие умы всех поколений рода человеческого, от древних до современных <...> и до сего времени убедительных общепризнанных ответов на многие фундаментальные вопросы не получено»¹⁰. Авторитетный отечественный военный историк С.Н. Михалев полностью обоснованно говорит (в духе древнего китайского мыслителя и полководца Сунь-Цзы) о том, что «войну необходимо понять, изучить, готовиться к ней — это закон жизни государства, возлагающего на себя ответственность за благополучие и само существование народа своей страны»¹¹. С такой постановкой вопроса о войне как социальном и политическом феномене, которому свойственна именно вооруженная борьба, нельзя не согласиться.

* * *

Автору в ходе работы над этой темой довелось обратиться к целому ряду энциклопедических статей. Во многих из них представлены взгляды на войну представителей различных научных школ, однако приходится

¹⁰ Даниленко И.С. Классика всегда актуальна // Стратегия в трудах военных классиков. М.: Изд. дом «Финансовый контроль», 2003. С. 45.

¹¹ Михалев С.Н. Военная стратегия. Подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени. М.; Жуковский: Кучково поле, 2003. С. 24.

ся констатировать, что компоненты войны в них не выделены. Одним из примеров является обширная статья в «Новой энциклопедии Британника». В ней, в частности, говорится о том, что «анализ войны может быть разделен на несколько категорий»; при этом «часто различают философский, политический, экономический, технологический, правовой, социологический и психологический подходы»¹². Такое дробление «анализа войны» важно, но не дает возможности составить целостное представление о войне как политическом и социальном явлении.

Обобщение различных исторических и теоретических исследований позволило автору выделить следующие компоненты теории войны в современных условиях:

- война как продолжение политики;
- война как состояние общества и состояние определенного сегмента системы мировой политики;
- война как столкновение двух (или более) государственно-политических структур (или негосударственных структур, сил);
- война как сфера неопределенного, недостоверного;
- война как задача управления (политическое и военно-стратегическое руководство/управление) войной.

Очевидно, что отмеченными выше компонентами не исчерпываются все параметры войны как сложного, многомерного социального явления, которому принадлежит чрезвычайно важное место в общественной жизни. Но автор выражает надежду, что данная небольшая работа (предлагаемая прежде всего как своего рода тезисы лекций по теории войны в рамках изучения ба-

¹² Theory and Conduit of War // The New Encyclopedia Britannica. Vol. 29. Macropaedia. Knowledge in Depth. Chicago; L., etc., 2003. P. 628–695.

зовых проблем мировой политики) послужит делу выстраивания «системы координат», в которой может и должна рассматриваться война в современных условиях. Очевидно, что рассмотрение войны в самых разных ее измерениях имеет и немаловажное прикладное значение.

Необходимы дальнейшие научные усилия по анализу этого важнейшего общественного феномена, по выявлению всех параметров войны и их взаимосвязи. Это важно, в частности, для обеспечения стратегической стабильности, для предотвращения войн разных масштабов и интенсивности.

Данная работа не претендует на изложение цельной, всеобъемлющей теории войны. В ней предпринята попытка лишь подчеркнуть важность создания такой теории и обеспечить некоторое продвижение в этом направлении. Для создания адекватной теории войны необходим большой объем дополнительных конкретно-исторических исследований, исследований на стыках различных дисциплин, уверенное длительное (институализированное) и тесное взаимодействие между гражданскими учеными и военными специалистами и учеными.

1

ГЛАВА

О некоторых элементах теории войны и мира

Немаловажную роль и в современных условиях играют мысли, оценки, формулировки различных военных и гражданских мыслителей прошлого.

Среди отечественных военных теоретиков XX в. наиболее известны Н.В. Медем, Г.В. Жомини, Г.А. Леер, А.А. Свечин, А.Е. Снесарев, Б.М. Шапошников, М.Н. Тухачевский. Особо следует сказать об М.В. Фрунзе, который своими работами первой половины 1920-х годов во многом способствовал тому расцвету военной мысли в СССР, который имел место в 1920-е — первой половине 1930-х годов.

Не следует забывать и о роли крупнейших советских военачальников Великой Отечественной войны, которые внесли свой вклад в глубокое осмысление вопросов военной стратегии и оперативного искусства, стратегического управления (руководства). Этот период отмечен именами прежде всего Г.К. Жукова, А.М. Василевского, К.К. Рокоссовского, И.С. Конева, С.М. Штеменко.

Если говорить о периоде 1960–1980-х годов, можно отметить вклад В.Д. Соколовского, С.Г. Горшкова, Н.В. Огаркова, А.А. Данилевича, И.С. Лютова.

Среди современных отечественных теоретиков следует назвать прежде всего таких авторов, как М.А. Гареев, И.С. Даниленко, В.А. Золотарев, С.А. Тюшкевич, Н.А. Шерemet и др.

Говоря в целом о существующей теории войны, отметим, что нас уже не могут удовлетворять многие положения этой теории, которые обрабатывались в предыдущие периоды истории. Вместе с тем в суждениях по вопросам войны и мира выдающихся мыслителей прошлого, ряда военных теоретиков и военачальников сохраняется немало актуального, вполне применимого и к нынешним условиям.

Для разработки теории войны по-прежнему ценными остаются труды К. фон Клаузевица (прежде всего его самая известная работа «О войне»), трактат китайского полководца и мыслителя VI–V в. до н.э. Сунь-Цзы («О военном искусстве») и труды ряда других теоретиков прошлого (Р. Монтекукколи, Морица Саксонского, Н.П. Михневича и др.).

Большое значение для работы над современной теорией войны сохраняет труд голландского мыслителя Гуго Гроция «О праве войны и мира», насыщенный многочисленными ссылками на авторов Античности и Средневековья. К нему, к сожалению, нечасто обращаются современные авторы, стремящиеся внести свой вклад в теорию войны.

Нельзя не отметить, что в сочинении «О войне» Клаузевиц в своих рассуждениях о природе, характере этого сложнейшего явления идет гораздо дальше констатации (столь широко известной публике), что война есть продолжение политики другими, насильственными средствами.

Как далеко не ординарный автор по военным вопросам проявил себя Фридрих Энгельс, сделавший пора-

зительные предвидения относительно Первой мировой войны за 28 лет до ее начала.

Практически все государственные деятели и военачальники стран Европы в годы, предшествовавшие Первой мировой войне, не смогли с точностью определить ее характер, длительность, последствия, имели в целом смутное представление о том, как, по каким причинам эта война может произойти. Прогнозы Энгельса базировались на анализе тенденций, складывавшихся в системе мировой политики после франко-прусской войны 1870—1871 гг., и учете особенностей развития военного дела в Европе. Сделаны они были в период очередного обострения международной обстановки в Европе в 1887—1888 гг. Энгельс был серьезным исследователем в различных областях общественных наук. Он много внимания уделял роли развития вооружений и военной техники, проведя целый ряд весьма интересных исследований по этой проблематике.

Фридрих Энгельс известен большим числом как публицистических, так и научных работ по политико-военной и военной проблематике*. В его прогностических оценках присутствует, безусловно, определенная идеологическая заданность. Это не могло не сказаться на ряде элементов его предвидений, которые не сбылись именно в наиболее их идеологизированной части.

* Среди них: глава из книги «Анти-Дюринг», работы по революции 1848—1849 гг., статьи о колониальных войнах Великобритании, восстании в Индии, серия статей для «Новой американской энциклопедии» («Армия», «Пехота», «Кавалерия», «Артиллерия», «Флот» и др.), статьи о Крымской войне 1853—1856 гг., Итальянской войне 1859 г. и кампании Гарибальди в Сицилии и Южной Италии в 1860 г., работа по военной реформе в Германии (1860—1861), статьи о Гражданской войне в США (1861—1865), австро-прусской войне 1866 г. и франко-прусской войне 1870—1871 гг.; немало публицистических работ, в которых в разных ракурсах затрагивались проблемы войны и мира 1870—1890-х годов.

Весьма точными оказались оценки Энгельса политических последствий мировой войны применительно к судьбам ряда основных государств — участников предсказанной войны, сделанные им 15 декабря 1887 г. во введении к брошюре Сигизмунда Боркхейма «На память ура-патриотам. 1806—1807 гг.», где он указывал: «Все это кончается всеобщим банкротством; крах старых государств и их рутинной государственной мудрости — крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым и не находится никого, чтобы поднимать эти короны; абсолютная невозможность предусмотреть, как это все кончится и кто выйдет победителем из борьбы»¹.

Действительно, результатом Первой мировой войны, как известно, был крах нескольких империй и монархий — Российской, Германской, Австро-Венгерской и Османской. Оказался несбывшимся прогноз Энгельса только относительно того, что некому будет поднимать «упавшие короны».

Далее в этой же работе Фридрих Энгельс писал, что одной из причин будущей мировой войны с эпицентром в Европе будет гонка вооружений: «Такова перспектива, если доведенная до крайности система взаимной конкуренции в военных вооружениях принесет наконец свои неизбежные плоды». В публицистическом духе Энгельс заявлял: «Вот куда, господа короли и государственные мужи, привела ваша мудрость старую Европу»². И нельзя не подчеркнуть, что в этом суждении Энгельс был абсолютно прав.

Относительно характера будущей войны, которую Энгельс прозорливо назвал всемирной войной, он сделал следующее заключение: «И, наконец, для Пруссии—

¹ *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения.* 2-е изд. Т. 21. М.: Изд-во политической литературы, 1961. С. 361. <<http://www.informaxinc.ru/lib/marx/21.html#s356>> (дата обращения — 14.11.2017).

² Там же.

Германии невозможна уже теперь никакая иная война, кроме всемирной войны. И это была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы»³. Энгельс писал о том, что численность вооруженных сил противоборствующих сторон будет огромной, значительно превышающей численность, имевшую место в предыдущих войнах в Европе: «От 8 до 10 миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени дочиста, как никогда еще не объедали тучи саранчи»⁴. Энгельс ярко писал о разрушительных последствиях грядущей всемирной войны: «Опустошение, причиненное Тридцатилетней войной, сжатое на протяжении трех-четырёх лет и распространённое на весь континент, голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите»⁵. Этот прогноз Энгельса полностью оправдался применительно к Российской империи, где за ее очень дорогостоящим участием в Первой мировой войне последовала братоубийственная, исключительно разрушительная Гражданская война 1918–1922 гг.

В письме от 7 января 1888 г. Фридриху Адольфу Зорге, своему другу, деятелю международного и американского рабочего и социалистического движения, Энгельс развивал свои оценки перспектив классовой борьбе в Европе следующим образом: «Война <...> отбросила бы нас на годы назад»⁶. Он обратил внимание на то, что «шовинизм затопил бы все, так как это была бы борьба за существо-

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения.* 2-е изд. Т. 37. М.: Изд-во политической литературы, 1965. С. 9. <<http://www.informaxinc.ru/lib/marx/37.html#s75>> (дата обращения — 14.11.2017).

вание». При этом, отмечал Энгельс, «Германия выставила бы около 5 миллионов солдат, или 10% населения, другие — около 4–5%, Россия — относительно меньше. Но всего на полях сражений было бы 10–15 миллионов людей. Хотел бы я видеть, как их прокормят; опустошение было бы такое же, как и в Тридцатилетнюю войну. И дело не кончилось бы быстро, несмотря на громадные военные силы»⁷. Обосновывая прогноз, Фридрих Энгельс давал оценку высокому уровню военных приготовлений Франции, осуществленных после ее поражения в франко-прусской войне. Он, в частности, писал: «На северо-западной и юго-восточной границах Франция защищена очень широкой линией крепостей, а новые укрепления Парижа образцовы»⁸.

Энгельс предупреждал и о том, что Германия не сможет одним ударом (в стиле стратегии Мольтке-старшего в прусско-австрийской войне 1866 г. и франко-прусской войне 1870–1871 гг.) разгромить и Россию: «Россию <...> нельзя взять штурмом». Энгельс предвидел, что одним из результатов затянувшейся общеевропейской войны станет усиление США по отношению к европейским державам. Он писал: «Победительницей оказалась бы по всей линии американская промышленность». Но вывод из этой оценки Энгельс сделал слишком радикальный. Он считал, что американская промышленность «поставила бы нас всех перед выбором: либо вернуться назад к земледелию только для собственного потребления <...> либо — социальный переворот»⁹. Говоря об обстановке 1888 г., Энгельс писал: «Я думаю, что доводить дело до крайности, идти дальше мнимой войны не собираются». При этом прозорливо добавил: «Но стоит только раздаться первому выстрелу, как вожжи выпадут из рук и лошади

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 37. С. 9.

⁸ Там же. С. 9–10.

⁹ Там же. С. 10.

понесут...»¹⁰. Таким «первым выстрелом» оказалось убийство сербским студентом Гаврило Принципом эрцгерцога Франца Фердинанда в Сараево 28 июня 1914 г.

Сегодня очевидно, что оценка Фридрихом Энгельсом степени истощения Европы в целом не оправдалась. Жертвы, понесенные европейскими странами в Первой мировой войне, были огромными, но от них Западная Европа (по крайней мере страны-победительницы) сравнительно быстро оправилась. Сложнее обстояло дело в Германии и особенно в России. Разрушительная мировая война в конечном итоге привела к появлению в Германии крайне шовинистического и расистского режима нацистов, который инициировал еще более разрушительную и жестокую войну — Вторую мировую. Последствием Первой мировой войны в России стал приход к власти леворадикальных сил (большевиков) во главе с В.И. Лениным, сначала мечтавших о «мировой социалистической революции», а позднее поставивших цель построения социализма в одной отдельно взятой стране. Попытка реализации этой цели привела к значительным жертвам. Но созданная в СССР к 1941 г. промышленная база, мощные вооруженные силы сыграли решающую роль в победе антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне. И в этом огромная историческая заслуга нашей страны, нашего народа.

Вернемся к размышлениям Энгельса. На его предвидениях есть смысл остановиться подробнее, поскольку они до сих пор носят уникальный характер в мировой науке.

Энгельс активно продвигал идеи о зависимости победы в войне от уровня экономического и научно-технического развития страны, от наличия материальных средств. Он писал, что «победа насилия основывается на производстве оружия, а производство оружия в свою

¹⁰ Там же.

очередь основывается на производстве вообще, следовательно — на “экономической мощи”, на “хозяйственном положении”, на *материальных* средствах, находящихся в распоряжении насилия»¹¹. Энгельс утверждал, что «ничто так не зависит от экономических условий, как именно армия и флот». По его мнению, вооружение, состав, организация, тактика и стратегия зависят прежде всего от достигнутой в данный момент ступени производства и от средств сообщения. Энгельс был едва ли не первым военным теоретиком, который обратил особое внимание на эти факторы. При этом Энгельс безусловно преуменьшал роль высшего военного командования: «Не “свободное творчество ума” гениальных полководцев действовало здесь революционизирующим образом, а изобретение лучшего оружия и изменение живого солдатского материала; влияние гениальных полководцев в лучшем случае ограничивалось тем, что они приспособляли способ борьбы к новому оружию и к новым бойцам»¹². Он упускал из виду, например, что победы одерживались Наполеоном над примерно равным в военно-техническом отношении (и нередко численно превосходящим) противником и что этот полководец обладал несомненным превосходством в своем тактическом мастерстве над практически всеми своими соперниками.

Если говорить о Клаузевице, нельзя не вспомнить, что его исключительно высоко оценивал В.И. Ленин. Он самым тщательным образом во время Первой мировой войны протудировал сочинение Клаузевица, оставив множество выписок из него и пометок*.

¹¹ Энгельс Ф. Избранные военные произведения. М.: Воениздат, 1956. С. 11.

¹² Там же.

* Этому было посвящено специальное издание Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б): Ленин В.И. Замечания на сочинения Клаузевица «О войне». М.: ОГИЗ, 1939.

Определенное внимание Клаузевицу после Великой Отечественной войны уделил И.В. Сталин. Он в «Ответе товарищу Разину» (известному советскому военному историку), опубликованном в 1947 г., в третьем номере журнала «Большевик», справедливо писал, что «в своих отзывах о Клаузевице и замечаниях на книгу Клаузевица Ленин не затрагивает **чисто военных вопросов** (выделено И.В. Сталиным — *А. К.*), вроде вопросов о военной стратегии и тактике и их взаимоотношении, о взаимоотношении между наступлением и отступлением, обороной и контрнаступлением и т.п.»¹³. Далее Сталин отмечал: «Ленин подходил к трудам Клаузевица не как военный, а как политик, и интересовался теми вопросами в трудах Клаузевица, которые демонстрируют связь войны с политикой»¹⁴.

В то же время Сталин, безусловно, заблуждался, когда утверждал, говоря о Клаузевице, что «он, конечно, устарел как военный авторитет», поскольку «Клаузевиц был, собственно, представителем **мануфактурного** периода войны». Сталин утверждал, что «теперь у нас **машинный** период войны»; соответственно, по его мнению, «машинный период требует новых военных идеологий». Сталин заявлял, что «смешно брать теперь уроки у Клаузевица»¹⁵.

Разумеется, такие оценки не могли не сказаться на отношении к Клаузевицу советских военачальников и военных теоретиков того периода.

Со стороны Сталина имело место, конечно, упрощенное определение характера войны с гипертрофированным представлением о доминирующей роли спосо-

¹³ *Сталин И.В.* Ответ товарищу Разину // Большевик. 1947. № 3. <<http://www.politologv.vuzlib.org>> (дата обращения — 18.12.2014).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

ба производства, что было свойственно большей части советской марксистской мысли. Сомнительным является тезис Сталина, высказанный в «Ответе товарищу Разину» о наличии «военной доктрины Клаузевица», в деле критики которой, по словам Сталина, «мы, наследники Ленина, не связаны никакими указаниями Ленина, ограничивающими нашу свободу критики»¹⁶.

Очевидно, что с точки зрения профессионального понимания того, чем является военная доктрина, нужно помнить, что Клаузевиц в труде «О войне» не делал попыток сформулировать военную доктрину для Пруссии, для прусского Генерального штаба. Отмеченные выше представления Сталина не соответствовали советскому учению о военной доктрине, которое было сформировано прежде всего на основе идей М.В. Фрунзе¹⁷.

Что касается трактата Сунь-Цзы, то он в значительной мере остается недооцененным в отечественной политико-военной и военно-стратегической мысли, в военной науке. В то же время не следует и абсолютизировать его значение для социологического и политологического понимания войны.

Б. Лиддел Гарт считал, что в трактате Сунь-Цзы изложена в наиболее концентрированном виде сущность войны¹⁸. Думается, что в этом утверждении один из крупнейших западных военных теоретиков и военных историков допускает некоторое преувеличение. Если говорить только о «сущности войны», то надо иметь в виду, что война представляет собой значительно более многомерное явление, чем это в VI–V вв. до н.э. видел Сунь-Цзы.

¹⁶ Сталин И.В. Указ. соч.

¹⁷ См.: Гареев М.А. М.В. Фрунзе — военный теоретик: Взгляды М.В. Фрунзе и современная военная теория. М.: Воениздат, 1985.

¹⁸ Liddel Hart B.H. Foreword // Sun Tzu: The Art of War / S.B. Griffiths (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2004.

Большое значение для социологии и политологии войны имеют труды китайского лидера Мао Цзэдуна по политико-военным и военно-стратегическим вопросам 1930–1940-х годов. В этих трудах Мао показал недюжинную способность к самостоятельному политико-военному и военно-стратегическому мышлению, глубоко разобравшись в характере войн, которые вела Красная Армия Китая в те годы.

Мао дал весьма выверенную оценку сильных и слабых сторон противника, силы и слабости своей стороны. На этой основе он сделал исключительно важные выводы о соотношении обороны и наступления в войне на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях, о необходимости вести затяжную войну с японцами, которая только после множества боев и сражений может привести к победе стратегического масштаба, имеющей политическое значение. Мао Цзэдуном была тщательно разработана прикладная теория партизанской войны.

Одной из важнейших в китайской военной теории остается знаменитая формула Мао, сформулированная в 1930-е годы, которую заучивают все командиры Народно-освободительной армии Китая (НОАК): «Враг наступает — мы отступаем; враг остановился — мы его тревожим; когда враг устал — мы атакуем, он отступает — мы наступаем». Она описывается, как отмечал выдающийся отечественный синолог и дипломат И.А. Рогачев, 16 иероглифами — по четыре на каждый компонент формулы.*

Придавая огромное значение партизанской войне, Мао тесно увязывает ее с действиями китайских регулярных войск, отдавая последним в конечном итоге приоритет.

* Известно, что формулой партизанской войны Мао активно пользовались во многих странах и регионах мира. В частности, это относится к вьетнамским патриотам, одержавшим в

Мао со своими соратниками создал основу и современной системы стратегического руководства (управления) китайскими вооруженными силами, которая носит ярко выраженный политический характер и имеет определенную специфику. Эта специфика находит отражение, в частности, в особой роли Военного совета ЦК КПК и Центрального военного совета (ЦВС) КНР, о чем подробнее пойдет речь дальше. Такого органа стратегического управления нет ни у одной другой страны в мире¹⁹.

Современный российский читатель, к сожалению, явно мало знаком с военной мыслью Мао Цзэдуна. Среди трудов Мао по военной проблематике можно отметить такие, как «Стратегические вопросы революционной войны в Китае» (декабрь 1936 г.), «Вопросы стратегии партизанской войны против японских захватчиков» (май 1938 г.), «О затяжной войне» (май 1938 г.), «Война и вопросы стратегии» (6 ноября 1938 г.)²⁰.

Среди зарубежных теоретиков войны второй половины XX в. можно выделить француза Раймона Арона, XXI в. — израильтянина Мартина ван Кревельда.

длительной и кровопролитной войне в 1960–1970-е годы победу над таким мощным противником, как США, выступавшие в союзе со своими южновьетнамскими марионетками.

¹⁹ Подробнее см.: *Кокошин А.А.* Стратегическое управление: Теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России. М.: РОССПЭН, 2003.

²⁰ *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения: в 4 т. / пер. с кит. М.: Изд-во иностранной литературы, 1953.

2

ГЛАВА

Методологические вопросы изучения войн как политического и социального феномена

На протяжении десятилетий преобладающим являлось полностью обоснованное мнение о том, что война — это социально-политическое явление, одна из форм решения противоречий между как государственными, так и негосударственными акторами мировой политики¹. Соответственно, рассмотрение войны должно носить прежде всего социологический и политологический характер. Но при этом представляется целесообразным не отвергать и антропологический подход к рассмотрению войны, в том числе учет причин

¹ Волкогонов Д.А., Тюшкевич С.А. Война. Т. 2 // Военная энциклопедия: в 8 т. М.: Воениздат, 1994. С. 233–235; Владимиров А.И. Основы общей теории войны. Ч. I. М.: Университет «Синергия», 2013. С. 221.

роста агрессивности индивидуумов, ведущей к возникновению войн.

В одной из важных интерпретаций антропологического подхода говорится о том, что «он предполагает социокультурное изучение насилия», в том числе «конкретные формы его проявления»².

Весьма важным является исследование социокультурных и этно-конфессиональных особенностей участников войн и вооруженных конфликтов, имеющее отнюдь не только теоретическое, но и прикладное значение. Одним из ярких примеров недоучета таких факторов является война в Афганистане в 1980-е годы, которую пришлось вести Вооруженным силам СССР.

Хотя в исторических исследованиях есть немало свидетельств того, какую большую роль играла индивидуальная и коллективная психология при принятии решений по вопросам войны и мира, применение методов социальной и политической психологии является явно недостаточно разработанным. Эта проблема в весьма значительной мере остается за пределами внимания тех, кто занимается вопросами военной науки.

Специалисты отмечают, что политическая психология как особое направление исследований стала формироваться на Западе в 1960-е годы — прежде всего, под воздействием угрозы ядерной войны, которая чревата самыми катастрофическими последствиями³. В нашей стране становление политической психологии как общественно-научной дисциплины относят к 1980-м годам⁴.

² Антропология насилия / отв. ред. В.В. Бочаров, В.А. Тишков. СПб.: Наука, 2001. С. 498.

³ Кольцова В.А., Нестик Т.А., Соснин В.А. Психологическая наука в борьбе за мир: задачи и направления исследований // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 5. С. 7.

⁴ Петренко В.Ф. Фрагменты психосемантических исследований. М.: Изд. О. Пахмутов, 2016. С. 6.

Значительная часть усилий при проведении политико-психологических исследований направлена на изучение иррациональных аспектов политических действий; в то же время не менее значительная часть политической психологии посвящена изучению политических процессов как «организованной деятельности», в которой рациональные интересы, осознанные цели претворяются в те или иные политические действия⁵.

В задачи политической психологии входит рассмотрение (в том числе прогнозное) психологических компонентов в политике, понимание значения «человеческих факторов» в политических процессах и определение роли психологических (субъективных) факторов в управлении, являющемся едва ли не главной частью политических процессов⁶.

Все это имеет непосредственное отношение к проблемам войны как продолжению политики насильственными средствами.

Среди важнейших областей использования методов политической психологии — вопросы стратегического сдерживания и стратегической стабильности. Масштабы исследования таких проблем в отечественной науке и в современных условиях остаются пока довольно скромными, особенно в сопоставлении с гигантской значимостью проблем войны и мира.

Большого внимания заслуживает труд видных ученых Института психологии РАН А.Л. Журавлева, Т.А. Нестика и В.А. Соснина «Социально-психологические аспекты геополитической стабильности и ядерного сдерживания в XXI веке». Журавлев и его коллеги обращают внимание на важность оценки политико-психологических ха-

⁵ Политическая психология / ред. Л.Я. Гозман, Е.Б. Шестопап. Ростов н/Д: Феникс, 1996. С. 19.

⁶ *Ольшанский Д.В.* Основы политической психологии. Екатеринбург: Деловая книга, 2001.

рактических характеристик отдельных лидеров, принимавших критически важные решения по вопросам войны и мира, особенно применительно к условиям «ядерного противостояния». Они обоснованно пишут о том, что «психологическая специфика ядерного противостояния определяется, помимо прочего, высокой зависимостью стратегических решений от психологических особенностей политических лидеров»⁷.

Важность понимания политико-психологического фактора показывают конфликтные и кризисные ситуации десятилетий после Второй мировой войны, особенно применительно к отношениям СССР и США. Многие из этих кризисов были изучены историками и политологами, но их психологические аспекты часто, к сожалению, оставались за пределами внимания ученых и специалистов. Между тем без понимания политико-психологических аспектов поведения сторон трудно должным образом оценить обстановку, особенно в условиях обострения политико-военной напряженности.

Сохраняют актуальность исследования, касающиеся принятия решений в Первую мировую войну. В коллективном труде под редакцией Л.С. Белоусова и А.С. Маныкина, например, отмечены (со ссылкой на Г.А. Дикинсона) важные особенности взаимного восприятия государственным руководителями различных стран действий друг друга. Многие деятели накануне Первой мировой войны были склонны воспринимать как угрозу безопасности действия оппонентов, которые те считали совершенно безобидными⁸.

⁷ Журавлев А.Л., Нестик Т.А., Соснин В.А. Социально-психологические аспекты геополитической стабильности и ядерного сдерживания в XXI веке. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2016. С. 41.

⁸ Айрапетов А.Г., Белоусов Л.С., Дажина В.Д. Первая мировая война и судьба европейской цивилизации. М.: Изд-во Московского университета, 2014. С. 414.

Оценка психологических аспектов политико-военного противостояния, которое может привести к войне, вполне актуальна и для современных условий.

Автору при рассмотрении хода и уроков Карибского кризиса 1962 г. доводилось сталкиваться с мнением ряда американских ученых, которые считали, что если бы на месте Джона Кеннеди был другой президент (например, сменивший его Л.Б. Джонсон), то все могло бы пойти по иному сценарию, вплоть до катастрофического по своим последствиям обмена ядерными ударами.

Выдающийся отечественный дипломат Г.М. Корниенко обоснованно высоко оценил роль советского лидера Н.С. Хрущева и президента США Дж.Ф. Кеннеди в разрешении этого кризиса: «Огромное значение для мирного разрешения Карибского кризиса имели личные качества американского и советского лидеров». Корниенко отмечал, что «при всей их непохожести оба они в итоге оказались способными, руководствуясь здравым смыслом и проявив политическую волю, выйти на такие решения, которые отвечали как главным целям каждой из сторон (для СССР — ограждение Кубы от угрозы вторжения, а для США — устранение ракет с Кубы), так и общей для всего мира цели — не допустить перерастания кризиса в большую войну»⁹. Корниенко при этом справедливо заметил, что «...такой исход кризиса нельзя считать гарантированным во всех случаях»¹⁰.

Видный российский ученый-политолог В.А. Кременюк, оценивая поведение Н.С. Хрущева и Дж.Ф. Кеннеди в период Карибского кризиса, отмечал, что «они оба, *сумеv* преодолеть в себе то, что называлось “классовая ненависть”, желание нанести противнику как можно больший урон, прочие идеологические и психоло-

⁹ Корниенко Г.М. «Холодная война». Свидетельство ее участника. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 149.

¹⁰ Там же.

гические барьеры, пошли на мирное урегулирование кризиса»; при этом они показали «прекрасный пример того, как избежать хоть малейшего чувства ущемленности или поражения»¹¹.

Войны в значительной мере являются производной от состояния системы мировой политики, структура которой образовывается и государствами (играют доминирующую роль), и негосударственными акторами.

Современные войны идут в условиях резко возросшей экономической, политической и информационной взаимосвязанности и взаимозависимости государств и народов. Происходит как бы «уплотнение» взаимодействия государств и негосударственных игроков в политической, гуманитарной, информационной, социальной и, конечно, финансово-экономической сферах. Уже на протяжении по крайней мере двух десятилетий существует глобальный финансовый рынок.

Как справедливо отмечает президент российской Академии военных наук генерал армии М.А. Гареев, изолировать при исследовании характера современных войн от указанных процессов нельзя¹².

Вопросы теории войны — среди важнейших в том, что у нас принято считать военной наукой. Такие мэтры отечественной науки, как С.А. Тюшкевич и М.А. Гареев, неоднократно ставили вопрос о кризисе военной науки. Причиной этого является, по-видимому, то, что многие военно-научные исследования уже десятилетиями дистанцированы от социологии, политологии, историко-политических исследований. Произошло это несмо-

¹¹ *Кременюк В.А.* Карибский кризис и его роль в истории // США — Канада: экономика — политика — культура. 2012. С. 17.

¹² *Гареев М.А.* Характер будущих войн // Право и безопасность. 2003. № 1–2 (6–7). <http://dpr.ru/pravo/pravo_5_4/htm> (дата обращения — 20.02.2018).

тря на наличие сильной традиции социологического, политологического и историко-политического подхода к изучению проблем войны, военной стратегии — традиции, сложившейся, прежде всего, за счет усилий А.А. Свечина и А.Е. Снесарева.

Профессор Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил РФ генерал-майор И.С. Даниленко приводит весьма примечательные оценки военной науки в нашей стране: «Слабостью военной науки оказался преимущественно ведомственный метод ее развития, малая доступность для общественности, сфокусированность ее содержания на проблемах только технологии подготовки и ведения войны и слабая связь с вопросами раскрытия ее природы, социального смысла и целей». Даниленко писал о том, что возникло «некое сектантское положение военной науки»¹³.

Один из практически забытых отечественных военных теоретиков 1920-х годов (период расцвета военной мысли в СССР) А. Топорков писал: «У слишком многих писателей политика и социология остаются политикой и социологией, а война — войной. Если устанавливается какая-нибудь связь, то делается это чисто внешним образом, высказываются некоторые общие соображения, причем частные пункты остаются неизменными через установление новых связей и новых отношений»¹⁴. Это замечание остается во многом актуальным и в современных условиях.

Нельзя не вспомнить, что еще на рубеже XIX–XX вв. видный российский военный теоретик Н.П. Михневич отмечал, что «изучение войны как явления в жизни че-

¹³ Даниленко И.С. Классика всегда актуальна // Стратегия в трудах военных классиков. М.: Изд. дом «Финансовый контроль», 2003. С. 8.

¹⁴ Топорков А.К. Метод военных знаний. М.: Изд-во управления делами наркомвоенмора и РВС СССР, 1927. С. 31.

ловеческих обществ составляет один из отделов динамической социологии, степень научности ее выводов в этой области находится в полной зависимости от развития социологии»¹⁵. При этом «исследование вопроса об употреблении силы с военными целями составляет предмет теории военного искусства»¹⁶.

К сожалению, барьеры между военной наукой и остальными областями знания, без которых давно уже невозможно изучать даже собственно военную стратегию, остаются все еще весьма значительными, несмотря на неоднократно предпринимавшиеся попытки их преодолеть, которые в ряде случаев давали весьма плодотворные результаты. Преодоление этих барьеров — одна из важнейших задач в научном и прикладном обеспечении национальной безопасности России, обороноспособности нашей страны*.

Глубинные причины изолированности в нашей стране военной науки от общественных наук в целом в определенной мере следует искать в исключительно высоком уровне секретности, которым характеризовалась весьма значительная часть направлений деятельности в военной сфере.

А.А. Свечин в свое время настаивал на том, что крайне важным является изучение войн, а не одного только

¹⁵ *Михневич Н.П.* Стратегия // Энциклопедический словарь /издатель Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XXXIA (62). СПб.: Типография акц. общ. «Издательское дело», Брокгауз — Ефрон, 1901. С. 730.

¹⁶ Там же.

* По мнению В.В. Серебрянникова, в Советском Союзе «военные, по существу, главенствовали в формировании военной политики, определении направлений и целей военного строительства, принятии ответственных военно-политических решений. В военно-гражданских отношениях военный компонент был преобладающим». См.: *Серебрянников В.В.* Социология войны. М.: Научный мир, 1997. С. 145–146.

военного искусства. Этот выдающийся отечественный мыслитель писал: «Мы вовсе не имеем истории войн; в лучшем случае так называемая военная история представляет только оперативную историю. С тех пор как произошло разделение военной истории на историю военного искусства и историю войн, широкие точки зрения стали достоянием первой, а вторая начала мельчать, игнорируя роль политики и стремясь изучить лишь ход операций»¹⁷. Во многом эта оценка остается справедливой и в современных условиях.

В подавляющем большинстве исследований по истории военного искусства, считал Свечин, «причинная связь военных событий» ищется лишь под углом зрения чисто военных соображений, что, «безусловно, ошибочно». В результате «поучительность теряется, нарождается много иллюзий»¹⁸, с чем нельзя не согласиться. Свечин не стесняется весьма резко высказаться против такого подхода: «Стратегия вопиет об искажении логики событий военными историками». Соответственно, стратегия «не только не может опереться на их труды, но вынуждена затрачивать лишние усилия на то, чтобы рассеять посеянные ими предрассудки»¹⁹. Конечно, речь идет не об историках вообще, а о таких историках, какими их представил Свечин.

Свечин делал заключение о том, что «читатели, интересующиеся стратегией, найдут более вызывающие на размышление замечания не в военных трудах, в особенности не в “стратегических очерках”, а в политической истории прошлых войн»²⁰. Этот вывод исключительно актуален и для нашего времени. Несмотря на вроде бы

¹⁷ Свечин А.А. Стратегия. М.; Жуковский: Кучково поле, 2003. С. 69.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 69–70.

²⁰ Там же. С. 70.

очевидную огромную важность проблем войны и мира, политической историей войны мало занимаются как гражданские, так и военные ученые. Для последних, по видимому, действует негласная установка многих военачальников на то, чтобы военным не рассматривать политические вопросы войны, военной стратегии, оставляя за собой сугубо специальные военные вопросы.

Уже упоминавшийся А.К. Топорков оправданно выступил как активный сторонник развития военно-исторической базы для исследований по военным проблемам в духе идей А.А. Свечина. Он резко высказался против «отвлеченного рационализма в военном деле», который, по его словам, был характерен попытками «дать теорию по возможности законченную»²¹. В этом Топорков был вполне созвучен А.А. Свечину.

«Отвлеченному рационализму» Топорков противопоставлял «исторический подход». Он подчеркивал, что «историзм является принципиальным противником всякого отвлеченного догматизма»²², и справедливо добавлял, что «историзм по самому существу враждебен всякой застывшей догме». Этот автор обоснованно писал о том, что «военная мысль не только теоретична, но и практична, она требует конкретности: военные приемы и способы войны изменчивы и зависят от слишком многих условий». Топорков отмечал, что «войны, будучи социальными явлениями, меняются в зависимости от социальных условий». Он, разумеется, не мог не отметить того, что «на способах ведения войн отражается развитие производительных сил, их приемы существенно видоизменяются под влиянием технических открытий»²³.

В то же время Топорков предостерегал против ряда ошибочных, по его мнению, сторон историзма, про-

²¹ Топорков А.К. Указ. соч. С. 47.

²² Там же.

²³ Там же. С. 47–48.

тив «историзма в его вульгарном понимании»²⁴. Здесь Топорков впадает в крайность, в своего рода военно-исторический нигилизм. Он пишет: «Мы думаем, что опыт прошлого нас способен чему-нибудь научить, — на самом деле это иллюзия, от которой нам необходимо отрешиться. Прошлый опыт нас вообще ничему не научает, ибо то, что имело значимость для вчерашнего дня, не имеет никакого значения для сегодняшнего и тем более для будущего»²⁵. С этим нельзя согласиться. Другое дело, действительно, нельзя упрощенно и прямолинейно воспринимать исторический опыт, особенно опираясь на отдельные исторические примеры. Исторический материал должен быть рассмотрен многопланово, с выявлением многих деталей, нюансов, которые и делают картину полной, дают основания для суждений, выводов, столь важных для понимания войн и военного дела настоящего и будущего. Предметом рассмотрения должен быть значительный набор исторических явлений, событий, связанных с проблемами войны и мира.

Одна из важнейших задач исторического анализа — выявление разного рода тенденций (трендов), которые могут действовать в настоящем и будущем.

При внимательном прочтении Топоркова обнаруживается, что он все-таки приходит к мысли о том, что историзм важен для понимания настоящего и будущего. Вот его слова: «Отнюдь не должно думать, что история является наукой, направленной только на прошлое, она вовсе не ведет лишь к одному созерцанию. Правильно понятый историзм включает в себя и настоящее и будущее, заключает в себе призыв к действию. Во всяком случае история не менее прагматична, чем естествознание»²⁶.

²⁴ Там же. С. 48.

²⁵ Там же. С. 49.

²⁶ Там же. С. 65.

Топорков пишет, что «изучение Мировой и Гражданской войн должно способствовать тому, чтобы армия подошла к задаче — будущей войны». При этом «самую эту задачу ей придется решать самостоятельно, не подражая каким-либо историческим трафаретам»²⁷.

Весьма интересными представляются размышления Топоркова о том, какие выводы должны делаться по результатам военно-исторических исследований. Топорков сопоставляет взгляды и методы двух известных немецких военных теоретиков и историков конца XIX — начала XX вв.: Ф. фон Бернгарди и Х. Дельбрюка. Нельзя не отметить, что последнего весьма высоко оценивал А.А. Свечин; много внимания Дельбрюку уделил и М.Н. Тухачевский.

Топорков писал о подходе Бернгарди: «В самом деле, чего требовал Бернгарди от военной истории? Прежде всего определенного вывода, наставления, как нужно вести войну, он хотел за многоразличными формами военного опыта открыть основание, на которое он мог бы положиться в своей практической деятельности»²⁸. Противопоставляя Дельбрюка Бернгарди, Топорков отмечал: «Дельбрюк же этот опыт заставляет распасться: он оказывается двуглавым, полярным; есть стратегия утомления и стратегия сокрушения, между этими полярностями колеблется военный опыт прошлого. К какому из двух примкнуть военному деятелю современности? Об этом военная история ничего не говорит. История военного искусства Дельбрюка включает в себе многое и различное, но в ней нет единого на потребу, проблема остается нерешенной для военного деятеля, он предоставлен собственным силам». Говоря о читателе Дельбрюка, Топорков писал, что «он сам должен рассматривать обстановку, многоразличные условия ее,

²⁷ Топорков А.К. Указ. соч. С. 64.

²⁸ Там же. С. 51.

причем никогда не знаешь, принял ли их все во внимание». Далее он добавляет с ориентацией на прикладную сторону военно-исторических исследований: «А вдруг, если включишь еще новые условия, то стратегический план подлежит решающему изменению?»²⁹.

Непосредственное изучение трудов Дельбрюка позволяет автору согласиться с Топорковым. Очевидно, что «метод Дельбрюка» требует значительной самостоятельной мыслительной работы от читателя, довольно высокого уровня его общеобразовательной и профессиональной подготовки. То же самое можно сказать и об основных трудах выдающегося отечественного военного теоретика и историка А.А. Свечина. Последнего его коллега и старший товарищ А.Е. Снесарев, по-видимому, незря критиковал за недостаточную дидактичность книги «Стратегия», что, по мнению Снесарева, снижало возможности усвоения свечинской теории командным составом РККА, не имевшим достаточно высокого уровня образования.

²⁹ Там же.